

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЕЛЬСКОГО СТАРОСТЫ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В. (НА МАТЕРИАЛАХ ТУЛЬСКОЙ ДЕРЕВНИ)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2019-0-3-11-16>

Актуальность темы «Правовые основы деятельности сельского старосты после отмены крепостного права» определяется возрождением интереса в современной российской действительности к традиционным формам самоуправления в деревне. Эта восстановленная форма в современных условиях уже достигла хороших результатов, но ее дальнейшее совершенствование обусловлено степенью использования исторического опыта службы сельских избранников в прошлом России. Предметом настоящего исследования является деятельность сельского старосты как важного элемента самоуправления в тульской пореформенной деревне. Целью статьи является анализ серьезных изменений, которые имели место в службе народных избранников в период развития капитализма в селе. Методологию работы составили общенаучные методы познания, а именно анализ, синтез, историзм, сравнение и ряд других. В статье проведен анализ фактического материала, на базе которого сделан вывод о том, что должность сельского старосты являлась исторической формой крестьянского самоуправления, а в пореформенное время она была возрождена на новой основе. Автор установил, что в этот период роль общинного руководителя стала ключевой и престижной в селе. Сельский староста влиял на решение сельских сходов, проводил их в жизнь, реально решал проблемы хозяйственной и административной жизни общины. При необходимости он занимался почти всеми повседневными вопросами односельчан. Значительное место в статье уделено изучению плюсов и минусов его службы и взаимодействию с уездной администрацией. На основе привлечения нового материала раскрыто то обстоятельство, что далеко не идеальным являлось законодательство, на котором основывалась деятельность общинного руководителя. Существенной новизной данной работы является сравнение своеобразия службы старосты в разные периоды, а именно до и после отмены крепостного права. Кроме того, впервые подробно подвергнуты анализу причины падения интереса у крестьян к этой должности в конце XIX в. В результате проделанной работы автор пришел к выводу о необходимости исследования и учета как положительного, так и негативного опыта службы сельских старост дореволюционной России. Материалы статьи заслуживают внимания современных специалистов в области самоуправления.

**СКРЯБИН
Игорь Валерьевич**

кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Тульского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Тула)

ig1012008@yandex.ru

**Сельская община;
сельское самоуправление;
сельский староста;
крестьянский сход;
функции старосты;
полицейские обязанности;
плюсы и минусы службы
старосты**

Igor V. SKRYABIN

Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor
of the Department of State and
Legal Disciplines of the Tula Institute
(Branch) of the All-Russian State
University of Justice (Tula)
ig1012008@yandex.ru

**THE LEGAL FRAMEWORK OF VILLAGE CHIEFS
IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY
(ON MATERIALS OF THE TULA VILLAGE)**

The relevance of the topic the legal basis for the activities of the village head after the abolition of serfdom is determined by the revival of interest in today's Russian reality to the traditional forms of self-government in the village.

**Rural community;
rural self-government;
rural headman;
peasant gathering;
functions of the headman;
police duties;
pros and cons of the service
of the headman**

This restored form in modern conditions has already achieved good results, but its further perfection is due to the degree of use of the historical experience of the service of rural deputies in the past of Russia. The subject of this study is the activity of the village head as an important element of self-management in the Tula post-reform village. The purpose of the article is to analyze the serious changes that took place in the service of people's deputies during the development of capitalism in the village. The methodology of the work consists of general scientific methods of cognition, namely: analysis, synthesis, historicism, comparison and a number of others. The article analyzes the actual material on the basis of which it is concluded that the post of village head was a historical form of peasant self-government, and in the post-reform time it was revived on a new basis. The author has established that during this period the role of the community leader became key and prestigious in the village. The village headman influenced the decision of the village meetings, carried them out, really solved the problems of the economic and administrative life of the community. If necessary, he was engaged in almost all everyday issues of fellow villagers. A significant place in the article is given to the study of the pros and cons of his service and interaction with the county administration. On the basis of attracting new material, the fact that the legislation on which the activity of the community leader was based was not ideal was disclosed. A significant novelty of this work is the comparison of the uniqueness of the service of the head in different periods, namely before and after the abolition of serfdom. In addition, the first detailed analysis of the reasons for the fall of interest in the peasants to this position at the end of the 19th century. As a result of the work done, the author came to the opinion of the need for research and accounting for both positive and negative experience of the service of rural elders of pre-revolutionary Russia. Materials of the article deserve the attention of modern specialists in the field of self-government.

Реформа 1861 г. круто изменила судьбу русской деревни. Она затронула многие направления жизни крестьян: рост товарно-денежных отношений, расширение отхода селян на заработки, повышение грамотности, улучшение быта и т.д. Одной из важных сторон изменений явились преобразования в области управления сельским миром. Это выразилось не только в возникновении и деятельности собственного сельского правосудия, в использовании обычного права в волостных судах, в возможности применения гражданского права, но и прежде всего в изменении организации мирского самоуправления.

Принятое 19 февраля 1861 г. Общее положение об освобождении крестьян от крепостной зависимости (далее – Общее положение) устанавливало структуру и права общественного самоуправления в селе. Основными органами руководства объявлялись сельский сход и сельский староста. Община получила право по своей воле и усмотрению избирать сборщиков податей, различных смотрителей и сторожей, сельских писарей [1, с. 153]. Кроме того, по Положению о земской полиции 1837 г. жители деревни могли назначать из своего круга низших полицейских – сотских и десятских. Таким образом, в результате реформы власть в деревне стала принадлежать не

феодалам, а коллективной организации – сходу крестьян и уполномоченным им сельским старостам.

Следует сказать, что правительственные чиновники, которые разрабатывали Общее положение, безусловно, не претендовали на звание творцов общинного самоуправления. Сельский сход и сельский староста существовали в России уже несколько столетий. Однако в условиях крепостного права они были фактически отодвинуты от управления и полностью подчинены феодальной власти. Сход и староста были дополнительным инструментом воздействия помещика на жителей деревни и их поступки. По указанию из имения староста собирал сельский сход, на котором зачитывал новые повеления барина. Он же докладывал помещику сведения о сборах и выплатах податей, а также о выполнении повинностей. Общинники могли обсудить собственные нужды, но под контролем того же приказчика. Дела о своих спорах и ссорах решали они сами, но все постановления схода утверждались помещиком. Его надзор за сельским самоуправлением чувствовался на каждом шагу.

После 1861 г. ситуация с управлением должна была измениться. По предоставлению правительства в пореформенной деревне настоящим хозяином общинных земель, организатором разных работ, рас-

пределителем повинностей, налогов, командиром общинных денежных средств, а нередко и судом становился крестьянский сход и избираемые им должностные лица.

Высшим должностным лицом в общине являлся сельский староста. Ему отводилась роль первой скрипки в управлении, и в первые десятилетия он хорошо с этой ролью справлялся. Его выбирали на общем собрании из числа местных достойных домохозяев. Приговоры, принятые на заседаниях в его отсутствие, не признавались законными. Объемный перечень направлений его деятельности был представлен в Общем положении. Сельский староста при необходимости или по требованию односельчан собирал сход, вел заседания, проводил голосование, распускал собрание, а затем проводил в жизнь крестьянские решения. К его функциям относились контроль за исправным состоянием мостов, дорог, плотин, паромов, а также проверка выполнения строительного и пожарного уставов. Важнейшим делом являлось наблюдение за сбором податей и порядком выполнения разных повинностей. Старостам вменялось законом применять необходимые меры для сбережения межевых знаков, охраны правопорядка в селе, выполнения крестьянских договорных отношений.

Отметим также, что Общее положение не упорядочивало направление работы мирских сходо-категорично и не давало точного смысла вопросов, относящихся к компетенции самоуправления. Все это определялось местными обычаями и имело весьма расплывчатые черты. Такие нечеткость и неопределенность приводили к тому, что староста при необходимости занимался почти всеми вопросами жизни общины.

Сельский избраннык обязан был покорно реализовывать требования разного рода уездных начальников: полицейских, судебных следователей, земских начальников, а также все указания властей. Ему приходилось проводить предварительные дознания, задерживать подозреваемых и нарушителей, в том числе различных бродяг, беглых и дезертиров. Входила в перечень дел старосты и организация помощи погорельцам и другим пострадавшим от бедствий односельчанам. Были у него и карательные обязанности. Обладая властью, он мог и должен был подвергать крестьян-нарушителей трем видам наказаний: штрафу до 1 рубля, общественным работам или аресту до двух суток. Следует добавить, что в свой черед распоряжением уездного начальства он сам мог за ошибки в работе подвергаться аресту и снятию с должности. Из деревни Заречье (Новосильский уезд) информировали, что по определенным причинам, например при накоплении в общине значительной недоимки, староста претерпевает серьезные наказания со стороны городского полицейского управления [2, с. 72].

Весьма хлопотным, но чрезвычайно важным делом для старосты было проведение сельского схода. Организовывалось собрание не часто: два раза в год в обязательном порядке (весной перед полевыми работами и осенью в дни сбора налогов), а в остальное время – по мере необходимости. Народный избранник лично сам собирал домохозяев, причем в первые пореформенные десятилетия они приходили активно, но к концу века в связи с изменением уездной администрацией полномочий мира крестьян приходилось пригонять силой.

Управлять заседанием также было непросто. Ни один вопрос здесь не решался без шума и криков. Из Одоевского узда писали: «В общем шуме и сутолоке, царящих на сходах, совершенно невозможно различить, кто о чем говорит, и председателю схода – старосте или старшине – поневоле приходится устанавливать решение разбираемого вопроса по силе голоса» [3, д. 122, л. 16].

Голоса на собрании староста подсчитывал различными методами: поднятием руки, криком «согласен» или «не согласен» или просто прикидкой голосов. О значении председателя при голосовании сообщали из Чернского узда: «Если голоса на сходе разделяются на две равные половины, то вопрос решается голосом старосты» [4, с. 198]. Важно было перед голосованием проконтролировать, кто из присутствующих имеет право голоса. Толкаться и кричать могли многие из пришедших (учителя, отставные военные, священники, лавочники, ремесленники, женщины), но полным правом голоса владели только крестьяне-домохозяева. Отметим также, что некоторые приговоры собрания не просто было претворить в жизнь, так как они касались очень серьезных и хлопотных вопросов, например, отобрать у должника лошадь или часть надела.

Разные авторы отмечали, что общинный руководитель имел решающее влияние на ежегодные весенние сборы крестьян на сторонние заработки вдали от дома. Это была для него дополнительная нагрузка, но она помогала поддерживать авторитет должности. У желающих уйти в отход староста проверял все платежи по налогам и только потом давал разрешение на выдачу паспорта. Все отлучки молодежи согласовывались с домохозяином, и в случае плохого поведения сыновей вдали от дома староста мог вернуть их назад в деревню. Самых непокорных и строптивых по предложению старосты мирской сход имел право и наказать – лишить части отцовского имущества. Следовательно, высшее должностное лицо в деревне активно влияло на результаты работы отходника и размер наследства крестьян.

Староста не только мог не дать разрешения на отход, но и способен был отправить крестьян-недоимщиков на заработки в принудительном порядке на самых невыгодных условиях. Как это соверша-

лось детально, показал в своем исследовании Е. Варб. Обычно зимой появлялся приказчик, который искал дешевые рабочие руки и угощал сельское начальство – старосту и писаря. Они в свою очередь быстро приглашали недоимщиков и начинали их «обрабатывать». В итоге сельчан заставляли подписывать договоры за копеечную плату и получать незначительные задатки. За такое содействие при найме сельская администрация получала от приказчика денежную благодарность. Недоимщики вынуждены были ранней весной уезжать к помещику, который их завербовал заранее за бесценок [5, с. 196–197].

Иногда сельское общество отправляло неисправимых недоимщиков на работы на местные заводы и фабрики. Совершалось это обычно по настоянию старосты, но постановление исходило от схода. По письменному требованию из соседнего заводоуправления злостных нарушителей посылали заготавливать и перевозить дрова, уголь, чугун, а также выполнять другие разгрузочно-погрузочные работы. Недоимки погашали из их заработка.

Авторитет старосты в большинстве селений находился на высоте. В повседневной жизни в нередких соседских ссорах крестьяне сразу же вспоминали о своем избраннике и шли к нему с просьбой рассудить их и помирить. К нему обращались за деловым советом по разным семейным проблемам. Примечательно, что для объективности он не разбирает дело единолично, а звал для поддержки уважаемых стариков и односельчан. Жители села рассчитывали на то, что староста не только пристыдит обнаглевших соседей, но и при необходимости проявит свою власть и проучит провинившихся. Так, например, руководитель в деревне Заречье обычно скрупулезно разбирался с участниками конфликта из-за потрав в поле, определял, где явный умысел, а где случайность, и только после этого штрафовал нарушителя. Однако такие воздействия он использовал в крайних случаях. Иногда в профилактических целях он мог запереть мужа – пьяницу и дебошира в амбаре или привлечь его к общественным работам. Лучшим методом разрешать споры и улаживать столкновения соседей он считал примирение враждующих лиц без судебного обсуждения. Старосту в селе знали все поголовно, обращались к нему учтиво и обходительно, уважали его за объективность и непредвзятость. Имеются факты, когда во время разных конфликтов с полицией вся деревня становилась стеной защищать своего общинного руководителя [6, с. 150].

И хотя служба старосты имела немало положительных моментов, все же в последнее десятилетие XIX в. она стала непрестижной и не востребовавшей. Больше всего у селян вызывала опасение и заставляла их отказываться от службы старосты ее материальная сторона. Денежные суммы, которые выдавала

община, реально были невелики, а добросовестное исполнение управленческой работы предписывало находить на службе целый день, в ущерб своему собственному хозяйству. Так, например, в Торховской общине на зарплату старосте было выделено всего 45 руб., а на двух пастухов – 44 руб. [4, с. 198]. Следует сказать, что зачастую община не освобождала своего избранника от платежей. «Староста и другие должностные лица платили то же самое, что и остальные члены общины», – информировали из Тульского уезда [4, с. 191]. Не случайными стали просьбы старост к миру с пожеланием избавить их от административной должности досрочно, так как их личное хозяйство может разориться.

На рубеже веков жители деревни стали воспринимать пребывание на этой службе как настоящее тяжелое бремя. Они соглашались занять эту должность только после долгих и упорных уговоров и торговли, так как боялись упадка своего двора при большой ответственности и малом вознаграждении. Не видя для себя ощутимых преимуществ в работе общинного руководителя, уклонялись от нее и представители зажиточных хозяйств. О сложившейся ситуации с сельской администрацией в 1880-х гг. сенатор С. Мордвинов сообщал в отчете Александру III следующее: «Сельские старосты избираются на три года из людей многосемейных, идут они повсеместно на службу не охотно, в некоторых общинах их назначают против их воли. Большинство старост неграмотные, есть общества, где старосты служат по очереди» [7, с. 4].

Кроме недостаточного финансового вознаграждения на положение с назначением старост наложили отпечаток и другие обстоятельства. С 1874 г. функция по контролю за ходом крестьянских платежей и по взиманию недоимок была передана полиции, что повлекло за собой дисциплинарное подчинение сельских руководителей не только уездному исправнику, но и всему штату чиновников уездной полиции. А создание в 1889 г. института земских начальников лишило сельских старост даже той маленькой самостоятельности, которая у них сохранялась до этого момента. Более того, из уездов нередко сообщали, что земские начальники стали непосредственно влиять и на подбор деревенских должностных лиц.

Сельский мир ответил на эти нововведения значительным изменением, причем в худшую сторону, состава должностных лиц самоуправления. В деревне поняли, что «сельские старосты превратились в безответственных слуг низшей полиции, главная обязанность которых состояла в сборе податей и применении принудительных мер к односельчанам-недоимщикам», – отмечал в своем исследовании Н. Бржевский [8, с. 28]. Наделение общинного руководителя полицейскими функциями, да еще в виде выполнения повинностей не повышало его престиж. «Сельский староста

всецело зависит от волостного старшины и земского начальника, неотложно исполняет все их приказания, а с крестьянами поступает как власть имущие», – общали из уездов [3, д. 122, 144].

Народный избранник теперь держал нос по ветру и чаще всего в случаях больших разборок на сходах принимал сторону властей. Это вызывало недовольство крестьян и критические замечания в адрес старост. Постепенно они перестали считаться «отцами-патриархами». Из уездов приходили критические сообщения о том, что они не знают своих обязанностей, нерадивы и даже мошенничают. Последних прямо на сходе общинники стали наказывать плетью.

В некоторых случаях сельские руководители пытались компенсировать свою непростую службу злоупотреблениями. Они принимали шкалики сорокоградусной у односельчан за изготовление фальшивых справок, иногда разбазаривали мирские деньги, помогали богатым соседям проводить за благодарности нужные им решения. Полагаем, что не случайно к концу XIX в. возникли факты нападения жителей деревни на сельских старост. Конечно, это делали крестьяне-хулиганы, но сами по себе это были вопиющие явления. Если в первые пореформенные десятилетия общинники стояли на защите народных избранников перед властью, то с падением патриархальных устоев и авторитета старост они начали поднимать на них руку. Так, в 1899 г. селяне Чернского уезда организовали засаду на избранного старосту и «хотели силой отобрать у него собранные налоги, с которыми он едва от них убежал» [9, с. 489].

Подведем итоги. После 1861 г. в сельском самоуправлении России наблюдался явный подъем. Крестьяне активно участвовали в сходах, так как принимаемые ими решения охватывали важнейшие стороны жизни общины. Должность сельского старосты была значимой и престижной. Он пользовался уважением и большим влиянием на приговоры сходов. Однако перемены, происшедшие в отношении власти к сельскому самоуправлению, привели к ущемлению полномочий схода и потере независимости старосты. Уклонение от избрания старостой, повинностный характер выполнения ими своей службы, бюрократическое беззаконие в их отношении, а главное, доминирование полицейских функций сказывались на снижении авторитета старосты и свидетельствовали о кризисе самих общинных порядков к концу XIX в. Теперь к влиятельным членам сельского мира старосту причислять уже было нельзя.

Как известно, на рубеже XX и XXI вв. в современной России были достигнуты определенные успехи в развитии исторически сложившихся форм отечественного самоуправления. Вновь были возрождены сельские сходы и службы сельских старост, которые получили правовую базу и быстро стали влиятельными органами самоуправления. Однако дальнейшее совершенствование управления на селе будет идти значительно эффективнее в условиях учета исторического опыта функционирования крестьянских сходов и сельских старост второй половины XIX в., причем как положительного, так и негативного.

Пристатейный библиографический список

1. Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам : в 2 т. Т. 1. Ч. 1 / сост. И. Л. Горемыкин. 3-е изд., доп. СПб. : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1898.
2. Годишное заседание Тульского губернского столичного комитета 28 июля 1880 года. Тула, 1880.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 586. Оп. 1. Д. 122, 144.
4. Сборник материалов для изучения сельской поземельной общины. Т. 1 / под ред. Ф. Л. Барыкова, А. В. Понцова, П. А. Соколовского. СПб. : Изд. имп. Вольного экон. и Рус. геогр. о-ва, 1880.
5. Варб Е. Наемные сельскохозяйственные рабочие в жизни и законодательстве. М. : Маг. «Кн. дело», 1899.
6. Крестьянское движение в России в 1901–1904 гг. : сборник документов / под ред. А. М. Анфимова. М. : Наука, 1998.
7. Мордвинов С. Экономическое положение крестьян Воронежской и Тамбовской губернии. [Б. м., б. г.].
8. Бржеский Н. К. Общественный быт и хозяйственная необходимость крестьян. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1899.
9. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности : в 58 т. Т. 43 : Тульская губерния. СПб. : Нар. польза, 1903.

References

1. The Code of Laws and Orders of the Government on the Structure of the Rural State and Institutions for Peasant Affairs. In 2 vols. Vol. 1. Part 1 / Comp. by I. L. Goremykin. 3rd ed. St. Petersburg, 1898.
2. Annual Meeting of the Tula Provincial Capital Committee of 28 July 1880. Tula, 1880.

3. State Archive of the Russian Federation. F. 586. Op. 1. D. 122, 144.
4. Collection of Materials for the Study of Rural Underground Communities. Vol. 1 / Ed. by F. L. Barykov, A. V. Polvtsov, P. A. Sokolovsky. St. Petersburg, 1880.
5. *Varb E.* Hired Farm Workers in Life and Legislation. Moscow, 1899.
6. The Peasant Movement in Russia in 1901–1904: Collection of Documents / Ed. by A. M. Anfimov. Moscow, 1998.
7. *Mordvinov S.* Economic Situation of Peasants of Voronezh and Tambov Province. [S.l.; s.n.].
8. *Brzhesky N. K.* Social Life and Economic Necessity of the Peasants. St. Petersburg, 1899.
9. Proceedings of Local Committees on the Needs of the Agricultural Industry. In 58 vols. Vol. 43: Tula Village. St. Petersburg, 1903.